

ЭММА РУДКЕВИЧ

Развод

с предателем.

Теперь моя тройня
зовёт папой другого!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Теперь
моя тройня зовёт папой другого!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Теперь моя тройня зовёт папой другого! /
Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Когда я показала мужу две полоски, он положил на стол деньги.— Избавься от ребёнка, Снежана. Мне сейчас не до семьи! Я ушла. А через восемь месяцев родила тройню. Пять лет Аркадий не интересовался ни мной, ни Марком, Мией и Матвеем. Я продавала последние украшения, работала ночами и училась жить ради троих. Теперь у меня хорошая работа и суровый начальник Глеб Огнев, который неожиданно умеет чинить детские игрушки и защищать нас. Но бывший муж вернулся. Увидел детей и объявил, что имеет на них право. Он снова хочет распоряжаться моей жизнью. Только теперь рядом мужчина, которого мои дети уже считают семьёй.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Теперь моя тройня зовёт папой другого!

Глава 1

Тест лежал на журнальном столике уже шесть часов. Я то прикрывала его ладонью, то снова отодвигала руку: две полоски никуда не исчезали. Из кухни было слышно часы над холодильником. Аркадий обещал вернуться к ужину, и я оставила тарелки на столе. Хотелось рассказать ему все здесь, дома, пока он ест и слушает меня, а не отвечает между двумя звонками. Фотографию теста я отправила сразу. Он прочитал сообщение — и замолчал.

Он опаздывал на два часа. После очередного гудка женский голос сообщил, что абонент недоступен. Я набрала еще раз: вдруг сеть появилась, вдруг он сейчас ответит и возмутится, зачем я так часто звоню. Пусть возмутится. С каждым гудком я все меньше думала о ребенке и все больше — о машине, которая могла лежать в кювете. Сдернула с крючка куртку, полезла в карманы. Ключи, жвачка, смятый чек. Телефон чуть не выскользнул из пальцев. Куда звонят, если взрослый мужчина не вернулся с работы? В полицию? По больницам? Я открыла клавиатуру и никак не могла решить, с чего начать.

В замке заскребли ключи. Я бросила куртку на стул и побежала в прихожую.

Успела только сказать: «Аркаш...» За его плечом стояла женщина в шелковом платье. Она заглянула в квартиру, увидела меня и отвернулась. Я так и осталась с поднятыми руками, которыми собиралась его обнять. Женщина прошла мимо открытой двери к лестнице; я слышала каблуки, пока Аркадий возился с замком. В прихожей остались ее духи. Сладкие до тошноты. Он привел ее до нашей двери, до дверей квартиры, где я шесть часов ждала его с тестом.

Аркадий стянул пиджак и бросил на спинку стула, поверх моей куртки. По лестнице еще стучали каблуки. Он не обернулся, не сказал ни слова о женщине. Посмотрел на меня и стал протискиваться в кухню. Пришлось отступить, чтобы его пропустить.

— Ты чего такая? — спросил он равнодушно, проходя на кухню. Открыл холодильник, достал бутылку воды. Глотнул прямо из горлышка.

Я сжала край домашнего платья. «Кто это?» — вопрос был готов, но я все еще боялась ответа. Аркадий закрутил крышку бутылки, прошел мимо накрытого стола и сел. Посуда его тоже не заинтересовала. Значит, ужин ему сегодня не нужен. Может быть, и говорить со мной не нужно.

— Снежана, мы же договаривались, — сказал он, не глядя на меня. Шумно выдохнул. — Никаких детей, пока я не выйду на IPO. Это базовый пункт нашего контракта о совместном проживании. Ты нарушила правила.

«Контракт о совместном проживании». Мы были женаты три года, а он даже сейчас не хотел сказать «наш брак».

Я подошла к журнальному столику. На снимке, который я ему отправила, полоски были бледнее, чем теперь. Может, он не разглядел? Уцепилась за эту нелепость, подняла тест и протянула ему прямо под лицо. Пусть посмотрит. Пусть хотя бы на секунду перестанет произносить слова из своих презентаций.

— Посмотри, — мой голос прозвучал хрипло, почти незнакомо.

Он взял тест за самый край. Я ждала, пока его взгляд пройдет от одной полоски к другой. Аркадий усмехнулся и потер лоб свободной рукой. Так он делал, когда я напоминала о

неоплаченных счетах: ну вот, опять ты со своими мелкими неприятностями. Я стояла перед ним и все еще пыталась найти в его лице хоть что-нибудь другое.

— Что это значит? — спросила я. Пришлось опереться ладонью о стол, чтобы он не увидел, как меня трясет.

— Это значит, что ты подвела меня, — ответил он, бросая тест обратно на стол. — Инвесторы не любят хаоса. А ребенок — это хаос. Это балласт, Снежка. Тяжелый, дорогой и абсолютно ненужный сейчас балласт, который потянет мою компанию на дно.

Я попыталась достучаться до того, кто когда-то целовал мои плечи и называл своей музой.

— Мы можем начать заново, — сказала я быстро, боясь, что он перебьют. — Я буду работать больше. Я найму няню. Я готова ждать. Мы справимся, Аркаш. Пожалуйста. Любви...

— Любовь — это маркетинговый слоган для тех, кто не умеет считать деньги, — перебил он резко. Его тон стал жестче, граничащим с презрением. — Ты знала условия. Я предупредил. «Свобода — главный актив». Так написано в моём последнем письме инвестору. Ты читала его, правда? Или тебе было слишком хорошо в иллюзиях?

Я прикусила щеку, чтобы не произнести снова «пожалуйста». Во рту стало солоно. Он ждал ответа, и я смотрела на его кошелек: Аркадий уже доставал его из кармана. По глазам было видно — разговор он считает законченным.

Он вынул несколько купюр, пересчитал, большим пальцем разгладил загнувшийся уголок. Положил деньги рядом с тестом. Удивительно, на какую аккуратность у него нашлось время.

— Вот, — сказал он. — Хватит на месяц аренды комнаты в коммуналке или на процедуру. Это дешевле, чем суд и раздел имущества через пять лет. Сделай то, что должна, Снежка. Мне сейчас нельзя детей. Ни эмоционально, ни финансово. Разберись сама.

Потом он заговорил о разводе: сейчас проще, общего бизнеса нет, претензий друг к другу тоже. Слово «претензии» он повторил дважды. Я все ждала, что он спросит, чего хочу я. А он продолжал объяснять, как нам обоим удобно. По его расчету, ребенка уже не было — оставалось обсудить квартиру.

Я посмотрела на купюры и вдруг перестала думать, как его переубедить. За три года я столько раз искала подходящие слова: попозже, помягче, когда он в настроении. Сейчас слова закончились. Он положил передо мной цену, за которую хотел остаться без забот. Я не стала брать деньги. Даже отодвинула руку от стола — далеко, чтобы он точно заметил.

Аркадий развернулся и пошел в спальню. Дверь хлопнула так, что со стены упала картина с нашим свадебным фото. Стекло треснуло. Я испугалась, что сейчас он выйдет ругаться, но дверь осталась закрытой. За дверью скрипнула кровать. Он уже устроился спать, пока я смотрела на треснувшее стекло у своих ног.

На журнальном столике все еще лежали тест и купюры. Оттуда, где я стояла, был виден край нашей свадебной фотографии под треснувшим стеклом.

У окна я прислонилась лбом к стеклу. За соседним домом погасла вывеска магазина, по подоконнику застучали первые капли. Можно было еще войти к нему. Сесть на кровать, положить ему на плечо руку. Я представила, как он раздраженно отодвинется, и отступила от окна. Довольно на сегодня унижений.

Вспомнилось его письмо: «Свобода — главный актив». Я сама выправляла в нем запятые перед отправкой инвестору.

Он говорил так спокойно, будто давно готовился объяснить, почему во всем виновата я. Нарушила условия, не вовремя забеременела, мешаю инвесторам. Может, и женщине на лестнице рассказывал про жену, которая его не понимает. Я хотела открыть спальню и спросить об этом. Хотела, чтобы он хоть раз ответил без своих «активов». Но даже такой разговор при-

шлось бы выпрашивать. Он уже лежал за дверью, а я все еще собиралась защищать перед ним собственную жизнь.

Я вытерла ладони о платье. Они были мокрые, хотя в комнате стало холодно. Если останусь, завтра опять заговорю первой, и он решит, что ничего особенно страшного не произошло.

Я отвернулась от окна. Подошла к столу. Аккуратно сложила деньги Аркадия в пустой конверт из-под счетов за интернет. Сверху положила тест-полоску. Засунула всё в ящик тумбочки. Спрятала конверт, чтобы больше не видеть ни деньги, ни тест. Ребенок оставался со мной, что бы он сейчас ни говорил.

В углу стоял зеленый рюкзак с потертой молнией. Аркадий давно предлагал его выбросить, но другой маленькой сумки у меня не было. Я подняла рюкзак за лямку и раскрыла. Молния на повороте заедала; пришлось придержать ткань пальцем. На секунду это занятие оказалось спасением: я могла хотя бы что-то сделать без его разрешения.

В кармане куртки нашлись ключи от квартиры. Телефон положила туда же, а рюкзак повесила на плечо. Внутри почти пусто. За кошельком пришлось бы идти в спальню, и я не могла заставить себя снова увидеть его лицо. Деньги из конверта брать не хотелось тем более. Он дал их, чтобы я сделала то, чего он потребовал; я не собиралась облегчать ему этот вечер.

В прихожей я надела ботинки, нашарила рукав куртки под его пиджаком. Из спальни не донеслось ни вопроса, ни шагов. Даже если он слышал, как я собираюсь, останавливать не собирался. Я застегнула куртку и взялась за ручку двери.

Открыла дверь. Из лестничного окна тянуло сыростью и запахом мокрого асфальта. Внизу шумел дождь.

Спустилась вниз. Лифт не работал. Шаги по лестнице гулко отдавались в бетонных стенах. Вышла во двор и остановилась у мусорных контейнеров.

Достала связку: два ключа от квартиры и ключ от домофона. Почти каждый вечер я открывала ими дверь, стараясь не шуметь, если Аркадий разговаривал с инвестором. Сейчас сжала их в ладони. Можно было оставить, конечно. На случай, если передумаю.

Бросила их в бак.

Дзынь.

Я посмотрела на край бака. Еще можно было поднять крышку и поискать. Рука даже дернулась, но я сунула ее в карман куртки.

На окна третьего этажа я не посмотрела. Повернула за угол дома и пошла быстрее, пока еще могла идти, а не возвращаться и просить, чтобы все оказалось неправдой. Беременная — пока я знала только это. Без денег, без документов, без плана на завтра. Телефон в кармане еще работал; я нашла адрес круглосуточного вокзала. До утра мне нужна была скамейка под крышей, а не красивое слово «свобода».

Он сказал: «Сделай то, что должна». До вокзала я повторяла про себя другое: ему я больше ничего не должна.

Ветер сдул капюшон. Я натянула его обратно, придержала у щеки. Рюкзак подпрыгивал на спине, вода набиралась в ботинки. Хотелось ругаться, но впервые за вечер я знала, куда иду. Следующий поворот — налево, потом остановка и освещенная дорога к вокзалу.

Где-то далеко, за спящими кварталами, горели огни бизнес-центров. Мне больше не хотелось смотреть на них снизу вверх и представлять, как Аркадий однажды купит кабинет на последнем этаже. Сейчас я хотела дойти до вокзала. Потом — забрать свои документы, найти работу и перестать ждать разрешения на собственную жизнь.

Телефон коротко мигнул в кармане. Я вытащила его, ожидая сообщение Аркадия, но это было предупреждение о батарее. Убрала обратно. До вокзала оставалось дойти, пока экран еще показывал дорогу.

Глава 2

Восемь месяцев спустя я лежала в роддоме другого города и боялась повернуться на бок. После кесарева болело так, что я заранее искала рукой край кровати: нужно было за что-то держаться, когда придет медсестра. Живот больше не шевелился под ладонью. Дети лежали отдельно от меня, и к этому я еще не привыкла. — Вставай, мамаша. Детей кормить надо. Мне было двадцать три. Хотелось сказать ей свое имя, чтобы хотя бы здесь снова побыть Снежаной. Но сил хватило только кивнуть.

Приподнялась на локтях и тут же легла обратно. Шов натянулся, пришлось переждать с закрытыми глазами. Я вцепилась в угол подушки. По ту сторону кровати пищал прибор; этот звук я уже знала наизусть. Нужно было еще раз попробовать сесть, пока медсестра рядом. Когда она уйдет, я опять останусь смотреть в потолок и прислушиваться, кто из троих меня зовет.

И тут у соседней стены заплакала Мия. Или Марк? Или Матвей? Имена я выбрала, пока они были у меня в животе, но еще не научилась различать их голоса. Только видела три маленьких свертка в прозрачных люльках. Плач почти терялся за писком прибора. Я все равно слышала его и считала вдохи между всхлипами. Ну, еще раз. Только сначала спустить ноги, как показали. Я спустила ноги с кровати, цепляясь за простыню. Медсестра вернулась на мой сдавленный стон, подставила локоть и помогла дойти до люлек. Я ненавидела эту беспомощность, но уперлась ладонью ей в руку: до детей нужно было добраться, а не доказать, что я умею терпеть. У люльки Мии пришлось остановиться и отдышаться. Дочь повернула ко мне лицо, уткнулась щекой в палец и на секунду притихла. Такой маленький рот. А рядом еще двое, которых тоже нужно взять, переодеть и накормить. Я все смотрела на них по очереди и пыталась понять, как успеть к каждому.

Через неделю, после контрольного осмотра меня и детей, нас выписали. До обеда нам разрешили ждать машину в палате, но ее уже готовили для новой роженицы. Медсестра поддела носком мою сумку, освобождая проход, и сумка выехала за дверь. — Освобождайте место, — бросила она, даже не глядя мне в глаза. — У вас очередь на выход, а у нас порядок. Я стояла посреди стерильного белого коридора, держась за ручку коляски для тройни. Детей выкатили к выходу в люльках. Я проверила пакеты: все ли взяла, ничего ли не оставила в палате. Подгузники не помещались в сумку, пакет цеплялся за ручку коляски. На выписке я ждала хотя бы вопроса, кто меня встречает. Медсестра только подвинула сумку еще дальше, к стене. Я старалась быстрее собрать свои вещи, чтобы больше никому не мешать. И поймала себя на знакомом: сейчас начну извиняться, как извинялась перед Аркадием. «Ты всегда усложняешь», — сказал бы он. Я подняла пакет, поправила ручку коляски и вышла, не извинившись. Водитель заказанного такси помог закрепить три автолюльки в машине и погрузить коляску. Ремни я проверила сама, повторяя имена, чтобы ничего не перепутать.

Первую ночь после выписки мы провели в хостеле. Маленькая отдельная комната на первом этаже пахла сыростью и чужим потом. Администратор освободила угол для коляски; дети спали в ее трех люльках, теплые комочки под легкими одеялами. Пока они спали, я могла лечь. Вместо этого достала телефон и стала проверять, кому еще написать. В темной комнате экран слепил, и я убавила яркость. Сообщений не было. За четыре года совместной жизни Аркадий не оставлял меня без новостей дольше двух часов. С того вечера прошло восемь месяцев. Наутро я вернулась за паспортом, картой, рабочим ноутбуком и одеждой, дождавшись, когда Аркадий уедет в офис. Собрала две сумки и вызвала такси. Его конверт так и остался в ящике. В новый город я уехала со своими небольшими сбережениями; еще до родов получила документы о разводе. Сообщение о рождении троих он прочитал. Ответа не было. Под последним сообщением оставалась отметка о прочтении. Я смотрела на нее, будто там еще могли появиться слова.

Открыла контакты и нашла Аркадия. Кнопку удаления пришлось нажать дважды: телефон переспросил, уверена ли я. Не уверена. Мне вообще хотелось, чтобы кто-нибудь сейчас решил за меня хоть что-нибудь. Но эту кнопку я нажала сама, и его имя исчезло из списка. После больничной недели это было первое действие, на которое у меня нашлись силы помимо заботы о детях. Завтра снова понадобятся смесь и подгузники. Я поставила будильник, выключила экран и положила телефон возле подушки. Закрыла глаза, слушая дыхание троих детей, и попробовала поспать до следующего кормления.

Через несколько дней я сняла комнату в коммуналке. Прошел месяц. Деньги кончились быстрее, чем я ожидала. Смесь стоила дорого, памперсы заканчивались мгновенно, а аренда комнаты в коммуналке требовала ежемесячной платы. Я вышла на барахолку с коробкой своих старых вещей. Платья, которые Аркадий выбирал для моих презентаций, книги по аналитике, которые я бросила, когда решила стать «домохозяйкой», золотые серьги — единственное, что осталось от бабушки.

Молодая пара перебирала блузки, которые я успела погладить ночью. Девушка вытягивала каждую за плечи, а парень складывал обратно как придется. Я все следила, чтобы они не уронили шелк в грязь. Он мне уже не понадобится — все равно было жалко. — Двести рублей за все блузки, — сказал парень, не поднимая глаз. — Там шелк, — прошептала я. Голос дрожал. — Берем, — согласилась девушка, заметив синяки под моими глазами и Мию на руках; мальчики спали в коляске у моих ног. Она наклонилась к парню и шепнула так, чтобы я услышала: «Бедная. Мужик бросил. Видно же».

Я услышала «мужик бросил» и стала складывать блузки в коробку. Девушка уже держала деньги, ждала. Хотелось отказаться от купюры и уйти с этим шелком, с сережками, со всем, что еще можно назвать моим. Мия заерзала на руках, потерлась лицом о платье. До следующего кормления оставалось немного, а банка дома почти пустая. Я посмотрела на киоск с детским питанием и перестала складывать вещи. — Берите, — сказала я сухо. — Всё берите. Я забрала деньги и не купила себе ни кофе, ни булочку. К выручке за серьги и книги добавились эти двести. На все купила банку смеси, упаковку подгузников и одноразовые пеленки. У булочной остановилась на секунду, посмотрела на ценник и пошла дальше. Двести рублей уже стали частью чека за подгузники. Дома налила себе воды. Мне было противно от этой вечной арифметики — чужая блузка, детская банка, моя несъеденная булка. Но смесь стояла на столе, и на сегодня можно было перестать считать.

Глава 3

Я попробовала работу курьером: казалось, коляску все равно нужно выгуливать, почему бы заодно не доставить заказ. Только заказ ждать не хотел. Дети просыпались как раз тогда, когда в приложении оставалось пять минут до опоздания, и я пыталась одной рукой успокоить их, другой — написать клиенту. Однажды Мия начала истерически плакать прямо во время доставки заказа в офисный центр. Я не могла успокоить ее, не могла оставить коляску у входа, боясь кражи. Курьерская служба уволила меня через неделю после первого инцидента. Без объяснений. Просто прислали SMS: «Доступ закрыт». На скамейке у подъезда я перечитала сообщение о закрытом доступе. Потом закрыла приложение и больше его не открывала. Хватит таскать детей к чужим дверям и считать, сколько минут отнимет бутылочка. Мне нужна работа, на которой я смогу положить трубку, накормить Мию и вернуться к экрану. Пусть ночью. Пусть дешевле. Но дома.

Три часа ночи. Температура у Марка подскочила до 39,5. Я приложила ладонь к его затылку и испугалась, как быстро снова нагрелась кожа. Остальные двое спали в своих кроватках. Я позвонила в скорую. Врач приехал, осмотрел сына и записал, что купить, если температура снова поднимется. Он дождался, пока я постучала соседке Вере Павловне: та иногда оставалась с детьми за небольшую плату. Только когда она села у кроваток, я накинула куртку и выбежала на улицу. Марк остался с ней; уходя, я трижды проверила, что телефон у нее в руке. Холодный воздух резанул легкие. Аптека была круглосуточной, в пяти минутах ходьбы.

У кассы я развернула бумагу, которую дал врач. В ботинках было тесно: натянула их прямо на домашние тапочки. Фармацевт посмотрела сначала на бумагу, потом на меня. Я ждала замечания, что нужно одеваться нормально или читать названия лекарств заранее, а не задерживать очередь. — Жаропонижающее, — выдавила я. Голос сорвался. Она молча достала коробку, пробила чек. Сдачу никак не удавалось сложить в ладонь. Я подцепила монету, уронила обратно на прилавок и вдруг поняла, что сейчас расплачусь прямо перед этой женщиной. — Можно стакан воды? — спросила я тихо. Она оставила монеты на прилавке и пошла к кулеру. Вода перелилась через край стаканчика, фармацевт вытерла его салфеткой и подвинула ко мне. Я взяла обеими руками. Что сказать ей, кроме «спасибо», не знала. Она тем временем сложила сдачу в пакет с лекарством. Я выпила её одним глотком, смачивая пересохшее горло. Затем зашла в туалет аптеки, закрыла дверь и разрешила себе рыдать. Не навзрыд, а беззвучно, давясь слезами, чтобы не услышали снаружи. Телефон я положила на умывальник экраном вверх: Вера Павловна могла позвонить в любую секунду. Здесь хотя бы можно было закрыть дверь. Дома дверь не помогала: я все равно слышала детей. Через две минуты я умылась холодной водой, привела лицо в порядок и вышла, сжимая пакет с лекарством. Домой почти бежала.

Днем я искала работу удаленно. Колл-центр с ночными сменами — это ад, но это деньги. Первый же клиент оказался мужчиной, который орал в трубку из-за ошибки в биллинге. — Вы там совсем поглумились?! — кричал он. — Мне нужны мои деньги! Где поддержка?! Я перестала печатать. За стеной спали дети, а этот мужчина кричал так, что я убавила звук в наушниках. Хотелось кричать в ответ: у меня тоже нет денег, и я не ору на людей. Но он второй раз повторил «мои деньги», уже тише. Я знала, как это бывает, когда сумма на экране меньше, чем должна быть, а объяснить некому. Перевернула лист с подсказками для оператора и нашла строку о спорном списании. С этого и начнем. — Я вас услышала, — сказала я. — Давайте проверим списание. Мне нужен номер договора. Продиктуйте, я подожду. Пауза. Тяжелое дыхание в трубке. — ...Десять два... семь... — Спасибо. Я проверяю. Секунду. Он перестал кричать. Я нашла ошибку, сверила данные и исправила списание. Пока обновлялась страница, он спрашивал, точно ли деньги вернутся; я объяснила, что он увидит на счете. В конце поблагодарил и даже извинился. Я сняла наушники, потеряла ухо: оно болело после его

крика, но разговор я все-таки довела до конца. Я закончила смену. В комнате было темно, только монитор отражался в стекле окна. Я обернулась. Тройняшки спали каждый в своей кровати. Марк сосал кулак, Мия раскинула ручки, Матвей повернул голову к стене. Я поправила пеленку, съехавшую с края, и прислушалась к их дыханию. Раньше после такого крика я еще час думала бы, что сделала не так. Сейчас посмотрела на закрытую заявку. Деньги человеку вернутся, моя смена оплачена, дети спят. Все три дела удалось закончить в одну ночь. Я придвинула ноутбук ближе: может быть, и с работой получше получится, если не бояться заранее.

Открыла сайт вакансий, набрала «аналитик». Слово было знакомое, но зарплата рядом выглядела чужой. Я пересчитала, сколько банок смеси на нее можно купить, и сон вдруг отступил. В требованиях было три года опыта. И стрессоустойчивость. На втором слове я тихо засмеялась, чтобы никого не разбудить. Если это главное требование, меня нужно брать без собеседования. Только вот опыт придется восстановить в резюме, а пока я сидела у экрана и клевала носом. Телефон на столе засветился: осталось пять минут до будильника на кормление. Старое фото на рабочем столе. Лицо Аркадия. На фотографии он улыбался. Именно эта улыбка осталась на заставке — не то лицо, с которым он положил деньги рядом с тестом. Заставку надо было сменить еще восемь месяцев назад. Знала это и каждый раз откладывала: сейчас покормлю, сейчас посплю, потом разберусь с фотографиями. Нашла снимок в галерее, открыла меню удаления. Телефон снова спросил, уверена ли я. Я задержала палец над экраном, разглядывая его улыбку в последний раз. Зазвонил будильник. Марк сразу завозился в кровати, за ним заплакала Мия. Я нажала отбой, но до кнопки удаления не добралась. Положила телефон экраном вниз и поднялась к детям. Аркадий еще побудет в галерее. Марк ждать не собирался.

Глава 4

Через четыре года после родов я получила место аналитика в «Огнев-Софт». После ночных смен и мелких заказов это была первая зарплата, на которую можно было снять квартиру без плесени. Вера Павловна теперь приезжала к нам как няня; тройня ходила в сад, и я впервые покупала детям обувь не на вырост через два размера.

В переговорной я вывела последний график и посмотрела на время: без двадцати шесть. Успеть бы закончить до следующего звонка. Телефон в кармане платья снова завибрировал, и я сжала стилус крепче. В стеклянной стене отражалась моя рука. Не лицо, не платье, которым я утром осталась довольна, — только пальцы, которые никак не удавалось успокоить.

Звонила няня. Третий раз за час, а я еще не ответила на второй.

Огнев сидел во главе стола и ждал продолжения. За ним светилось окно, лицо было плохо видно, но по неподвижной руке с ручкой я поняла: раздражен. Я знала следующий слайд наизусть. Еще утром могла бы защитить его с закрытыми глазами, а сейчас смотрела на ось графика и никак не вспоминала первую фразу.

Телефон завибрировал снова. Я прижала его через ткань, будто от этого няня могла понять: вижу, сейчас отвечу.

Достала его под столом. Вера Павловна написала: «Мия. Сорок. Вызвала врача. Ответь». Я перечитала цифру. Сорок. До дома полчаса, если сразу вызвать машину. В голове уже укладывала Мию на свою кровать, где она обычно засыпала, когда болела, — и тут вспомнила, что эту кровать, квартиру, няню оплачивает моя работа. Отчет по-прежнему стоял на экране, и Огнев по-прежнему ждал.

— Крымова. — Огнев положил ручку. Я услышала свое имя и подняла голову. — Вы не слышите меня.

Сосед по столу стал рассматривать экран ноутбука, хотя минуту назад смотрел на график. Остальные тоже молчали. Я поймала взгляд одного менеджера, но он тут же отвернулся. Помогать закончить фразу никто не собирался.

— Простите, Глеб Сергеевич, — мой голос сорвался на шепот. Я сглотнула комок, который царапал пищевод изнутри. — Я... у меня технические проблемы с соединением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.